

заместителя председателя Круга полковника М. Н. Гнилорыбова и члена Круга г. Кременскова, вернувшегося потом в Болгарию.

Как то, само собой, образовался „неписанный казачий центр“ в Варшаве, в котором весьма деятельное участие принял и М. Ф. Фролов.

В августе 1921 года мы начали издавать там еженедельную, с самостийнической программой газету „Голос Казачества“ (я — редактор, М. Ф. секретарь). Жили мы тогда с ним в одной комнате, — она же и редакция, она же и приемная, она же и ночлежка в крайнем случае для казаков из провинции, на малую посещаемость которых редакции и „казачьего центра“ мы не могли жаловаться.

Были мы тогда с М. Ф. весьма дружны, „блокируясь“ нередко против иногда „легкомысленного“, иногда „неуравновешенного“ Гнилорыбова. А когда Гнилорыбова из Варшавы „уехали“ в Прагу, мы остались вдвоем...

Кроме исполнения своих секретарских обязанностей, М. Ф. достаточно много писал. Писал политические статьи на „общие“ темы, волновавшие тогда казаков; писал фельетоны, в прозе и в стихах. Вообще весьма недурно писавший стихи (довольно видную роль гимназического поэта играл М. Ф. в свои юношеские годы), М. Ф. очень неохотно предавался тогда этому виду творчества.

Если бы нужно было характеризовать покойного весьма кратко, то это был, пожалуй, ум более острый, чем глубокий. Вот почему его политические „фельетоны“ были более удачны, чем его политические „рассуждения“... Поэтому же впоследствии, уже в „В. К.“ свое кратковременное сотрудничество Фролов ограничил несколькими именно такими „колкими“ фельетонами.

Любимыми лейт-мотивами его статей того

времени были: „За Дон и вольность!“ или — „за казачество и вольность!“

То было время, когда противники казачьих политических стремлений слову „самостийник“ старались придавать характер, не то „ругательный“, не то „изменический“. К чести М. Ф. надо сказать, что он не прятался ни за какую ширму, правильно „классифицируя“ и казачью программу и себя, как действительного самостийника.

Весьма общительный по характеру, М. Ф. был хорошим товарищем. Весьма живой и „темпераментный“, он был нередко интересным собеседником.

М. Ф. Фролов был больше „порыв“, чем „рассчет“. И хотя он не хотел писать стихи, но по натуре он был скорее „темпераментным“ поэтом, чем холодным и расчетливым политиком... Для этого последнего у него не хватало, может быть, воли. Порывистый, — он мог увлекать, но, чтобы вести за собою, ему не хватало... все той же воли.

Как всякий недюжинный человек, М. Ф. имел приятелей, имел и противников. Но, вряд ли он имел врагов.

Он был слишком поэт, чтобы жить и „буднично“ ждать конца своей эмиграции. Но, ему не хватало упорства и настойчивости, чтобы при всех его способностях, бороться за свои идеалы до конца. Он их скорее исповедывал, чем к ним стремился.

Больше всего любил он Дон. Пусть же и донны не забудут его...

Жизнь его сломала... Можем об этом искренно пожалеть... Умер он на чужбине, вдали от своей Родины — Дона. Но в истории настоящей казачьей эмиграции, мы уверены, будет отведена какая то страница и Михаилу Федоровичу ФРОЛОВУ.

Санжа Балыков.

Памяти командира.

29 июля ст. ст. 1920 года, близ Мелитополя, у подножья кургана Песчанского кладбища с щемящей сердечной болью похоронили мы его... Прошло с тех пор уже 10 лет. Существовал, кажется, писанный закон о „десятилетней давности“ для прекращения расследований по совершенному преступлению, срок достаточный для забвения его и наряду с этим есть неписанный закон: сделанное человеком добро забывается гораздо скорее, а для памяти умершего срок этот еще меньше. Но во всех этих случаях есть исключения. Есть зло, которое не забывается, есть такое же добро и бывают люди, для памяти которых время долго остается бесильным. Люди, имена которых по истечении 10 лет после смерти все еще заставляют говорить о себе не только родных, но и друзей и знакомых, безусловно принадлежали к числу „незаурядных“ личностей. Таков был и наш покойный командир Гавриил Эрдневич — полковник Тепкин. К 29 июля (по ст. ст.) 1930 года, и десятой годовщине его смерти, друзья и знакомые его, дружно, без уговору вспомнили о нем; мало этого, вспомнили о нем многие калмыцкие колонии и организации в эмиграции. Там служат в храме панихиду, здесь пишут о нем теплые воспоминания, там посвящают его памяти заседания...

О том, что он был любимым и достойным командиром Зюнгарского полка, что в 28 лет он побывал старшим адъютантом штаба дивизии, начальником штаба бригады, о том, что он всюду пользовался почтением и уважением окружающих, его характеристику, и как человека и как командира, я уже писал на страницах 1-го номера калмыцкого журнала „Улан Залат“ и повторять все это считаю лишним.

На этот раз, как бывший ближайшим соратником в бытность его командиром нашего полка, я хочу попытаться найти и указать причину того, чем заслужил этот молодой, строгий и скромный полковник всеобщую любовь своих собратьев, что каждого из нас до сих пор заставляет проносить его имя с теплой лаской и говорить про смерть с неподдельной грустью. Ведь „безвременных“ смертей в те годы среди калмыцкого народа было многое множество.

Трудна моя задача, ибо что можно сказать о человеке, умершем всего 29 лет от роду, при чем 6 из них проведенных в войнах, а до этого 9 лет учившемся?.. Ведь он действительно — „еще и не жил“, не было ни времени ни условий для выявления и установления своего полного общественного веса. Однако и за этот короткий промежуток времени, он, без всяких для этого

усилий, успел сделать свое имя таким для своего народа, каким многие долго будут стараться сделать.

И вот вдумываясь более глубоко, в одном еще я стал видеть причину всенародной любви к Тепкину. Кроме человека исключительной душевной чистоты и доброты, неизменно располагавшей к нему всех, кто близко с ним сталкивался, высокой порядочности и толковости, стяжавших к нему уважение и почтение окружающих, он сам того не ведая, был одним из живых факторов, способствовавших пробуждению национального самосознания, национального самолюбия калмыцкого народа.

Когда впервые за 20 лет совместной жизни с Казачеством калмыки получили право на формирование своих двух полков, они испытали большое моральное удовлетворение. Если „Зюнгарский“ и 3-Донской Калмыцкий полки были наградой нам за то, что в труднейшие и безнадежные дни Казачества мы оказались на высоте требования рыцарской дружбы и неравноравного союза, если в этой награде Донское казачество проявило акт справедливости, что не могло быть проявлено в условиях его подневольного положения, то факт назначения калмыцкому полку командира калмыка явился вторым случаем проявления справедливости, второй наградой, по значению равной с первой.

Из этих двух фактов, для посторонних людей может быть и незначительных, калмыцкая народная масса увидела, что она не хуже чем всякая другая народная масса, что ее полки и сыны лучше многих других... Так просыпался в ней забытый национальный дух и от-

сюда уже понятна любовь народа к тем факторам, которые, впервые после долгого периода моральной подавленности, вызвали и пробудили в нем это высокое чувство. В этом отношении имя Тепкина имеет общенациональное значение.

Само собой разумеется, что общее к нему расположение и его соответствующие личные качества должны были выдвинуть его в будущем выше и дальше по общественной лестнице. Так, например, он был несомненным кандидатом на пост окружного Атамана своего Сальского округа, который, к слову сказать, несмотря на то, что почти исключительно состоял из калмыцких станиц, ни разу еще не имел атаманом калмыка. Нет сомнения, что при дальнейшем существовании самостоятельного Дона и этот пробел был бы заполнен и именно им кем иным, как Газрилом Эрдневичем Тепкиным. Но, Бог судил иначе... Выражаясь шаблонным языком — косящая рука смерти беспощадно сорвала и этот юный цветок калмыцкой степи. Бесвременно умер ясно намечавшийся национальный вождь, для какой роли у него были все необходимые данные: ум, такт, честность и доброе сердце...

† Полк. Г. Э. ТЕПКИН.

Мы — буддисты. Будем же верить, что в одном из своих перерождений Тепкин опять народится достойным сыном своего народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. В десятую годовщину его смерти мы помолимся о легчайших путях этих перерождений.

М. Мордвинцев.

К 10-тилетней годовщине смерти полк. Г. Э. Тепкина.

Летит неудержимо время и все дальше и дальше уносит от безвозвратно ушедшей юности, от милого былого; но там остались некоторые события, переживания и встречи, от которых все же оно бессильно унести меня, — они живут со мной и воспоминания о них — это частичка меня.

29 июля (по стар. ст.) исполняется 10 лет со дня смерти полковника Г. Э. Тепкина, а память о нем такая свежая, яркая, живая торжествует над временем, не победило оно ее; торжествует она и над смертью, ибо Гаврик во мне: стоит только задвинуть „его кнопочку“ в камере памяти и он вновь передо мной, бесконечно дорогой и незабываемый.

В годы войны с большевиками он выдвинулся на роль не только любимого командира родного калмыцкого полка, но и популярного вождя своего маленького, но крепко спаянного народа. Особенно ярка его фигура была в самый тяжкий и ответственный момент — после краха Казачье-Добровольческого фронта, когда стала неизбежной необходимость стремиться к морю и вплавь спасаться от мстительного врага. И вот тут-то все калмыки и сгрудилась вокруг Тепкина, ему вверили свою судьбу; он был единственной опорой, утешой и надеждой, путеводной звездой, ибо по пятам шла грозная, неминуемая смерть. Об этом славном периоде его жизни писали и вероятно еще напишут те, кто вместе с ним шёл из горькой чаши неудачи в борьбе за „свой порог родной и угол“.

Я его узнал, тесно общался и близко сошелся с ним в Германскую войну, в 22 Донском казачьем полку. Воспоминаниями об этом времени я и хотел поделиться.

Как дороги были тогда дни отдыха от непосредственной угрозы смерти и как хотелось „нажиться“ поскорее и как можно больше! Увлекались женщинами, хмельным, картами. Нас же с Гавриком сблизивала охота, сначала ружейная, а потом псовая, с борзыми. Сблизившись таким образом, мы часто потом проводили время вместе за разговорами, рассказывали друг другу о своем коротеньком прошлом и о длинных планах на будущее. Вообще-то он был замкнут, даже застенчив, не охотно пускал посторонних зрителей в свой интимный мир, а потому такие беседы у нас были всегда один на один. Впрочем, впервые я его увидел и познакомился с ним у карточного стола. Меня, после представления командиру, по пребывании в полк, пригласил адъютант на ночевку, а у него в это время заседала компания за „девяткой“, охотно изъявившая желание научить и меня. Вскоре после нас вошел небольшого роста, но стройный, ловкий, необыкновенно грациозный во всех движениях хорунжий калмык. Встретили его таким дружным, теплым и радушным гомоном, что я сразу увидел в нем всеобщего любимца. „А, Тепочка, добро пожаловать!“ „А вот и наша желтая опасность, но очень милая. Знакомьтесь!“ и т. д. Этот сердечный тон встречи, наружность вошедшего и его манера держать себя сразу приковали к нему мое внимание, а к концу вечера он мне уже определенно понравился.

А покорило он мое сердце смехом. Да, этот смех его — дар Божий; не все, даже дети способны смеяться так чисто, так безгрешно, как умел он. В его смехе не было и тени злорадства, ехидности, насмешки. Смеялся он всегда громко, высоким тенорком, заливался, как колокольчик, заражая всех присутствующих...